

Часть первая

КУРСЫ ПОХУДАНИЯ

Глава первая,
*в которой Ксюша становится богатой наследницей
и швыряется миллионами*

ЗВОНОК В ДВЕРЬ

Золотой дождь, просыпавшийся на Ксюшину голову, был ей не нужен. Вот если бы лет двадцать назад, когда она, старшеклассница, обливаясь слезами, штопала последние колготки, а потом косолапила, выворачивая ногу, чтобы спрятать постыдный шов... Или десять лет назад, когда из куска жилистой говядины готовила для семьи первое, второе и... нет, компот все-таки варила из сухофруктов. Молочные смеси дочери просеивала через мелкое ситечко — у Катеньки был диатез от сахара. Чай пили с этим отсеянным сахаром. Напиток приобретал нездоровый цвет ваксы, разбавленной зубным порошком.

Нынче Ксюша сносно зарабатывала, а две ее проблемы лишние деньги решить не могли, скорее усиливали. Проблема первая — неукротимо растущая масса тела. Проблема вторая — влечение к алкоголю.

В то утро, когда Ксюшина жизнь резко изменилась, пробуждение было традиционным — с похме-

ля. Голова у Ксюши не болела, но совесть отчаянно страдала. Зачем опять напилась? Песни горланила на кухне, разговаривала сама с собой, хохотала – противно вспомнить. Стыдно. Никто не видел, а стыдно.

Ксюша приоткрыла глаза – семейство на месте, разлеглось вокруг тахты. Черный терьер Сара, ризеншнауцер Дуня и кокер-спаниель Лиза. У Дуниного живота копошатся восемь двухмесячных щенков – последний выводок. По паспортам элитные собаки носили длинные многоступенчатые имена, но откликались на простые женские.

Изменившегося дыхания Ксюши и легкого дрожания ресниц оказалось достаточно, чтобы свора ущучила – хозяйка проснулась. Сара вскочила и носом забралась под одеяло в поисках Ксюшиных ступней. Каждое утро Сара демонстрировала свою любовь способом для собаки нисколько не унижительным – вожделенно лизала хозяйке пятки. Эту привилегию Сара, главная в стае, прочно удерживала за собой и другим распускать языки не позволяла. Дуня принялась складывать Ксюше на лицо комнатные тапочки: мол, вставай, хватит валяться! Лиза кружила по комнате. Щенки встали на задние лапы, передние положили на край тахты, радостно тявкали и дергали обрубочками купированных хвостов.

– Пошли вон! – Ксюша брыкалась, натягивая на голову одеяло. – Уйдите! Я сплю!

Не тут-то было. По утрам команды не выполнялись – собаки считали, что Ксюша с ними играет, и удваивали рвение. Захваченная щенками простыня стала выползать из-под Ксюши, Сара и Дуня вели подкопы под одеяло и тыкались влажными холодными носами одна в Ксюшины ноги, другая – в шею. Лиза пыталась добраться до хозяйки по спинам подруг.

– Сволочи! Паршивки! – ругалась Ксюша. – Дайте поспать.

Собак отогнал звонок в дверь. Стая с лаем понеслась в прихожую.

Кто бы это мог быть? Клиенты (Ксюша зарабатывала не только разведением собак, но и их стрижкой, триммингом) к ней не ходят, записываются по телефону, и она выезжает к ним на дом. Родственников у нее нет, друзей тоже. Кто бы ни трезвонил – пусть катится к черту.

Упорный, звонит и звонит. Опять соседи будут жаловаться на собачий лай. Ксюша встала, натянула халат – маловат, зараза, спереди не сходится. Тапочек только один. Значит, Дунька с другим в зубах рванула.

– Фу! Молчать! – приказала она собакам. – Я кому сказала!

Ксюша потрясла для убедительности кулаком. Лай перешел в угрожающее рычание. Собаки присели. Напряженные, готовые к нападению.

Ксюша открыла дверь на ширину цепочки. В щель разглядела молодого человека в распахнутом светлом плаще, под плащом видны шелковое кашне, белоснежный воротник рубашки и стильный галстук.

– Вы Ксения Георгиевна Самодурова?

– Ну! Что нужно?

– Вы должны поехать со мной. Это связано с делами вашего мужа, Константина Александровича.

– Передайте ему – пусть сдохнет!

Ксюша хотела захлопнуть дверь, но визитер проворно подставил ногу и нажал. Это он напрасно сделал. Цепочка держалась на честном слове и вылетела из косяка вместе с деревянными щепками. Дверь ударила Ксюшу по лбу, она отлетела назад, а

из-за ее спины прыгнули собаки. Нужно обладать большой смелостью, чтобы выдержать их натиск. Ризеншнауцер Дуня, с челкой, закрывающей глаза, торчащими ушами и бородой, походит на черта, вставшего на четыре лапы. Сара, черный терьер, — экстерьер почти тот же, но в два раза крупнее, с теленка размером. Лиза, палевая длинношерстная красавица, отличалась брехливостью, то есть оглушительным лаем.

Ксюша машинально отметила, что щенки правильно копируют поведение взрослых собак, — отличное проявление породы. Молодого человека загнали в угол лестничной площадки. В своем замечательном плаще он оседлал сломанный и облитый помоями люк мусоропровода. Верещит не хуже Лизки. Хотя собаки на него не бросились, в полуметре застыли.

— Уберите их! Перестреляю! Всех ваших... собак как собак перестреляю!

Здорово он струхнул. И действительно, полез под мышку за пистолетом. Стал им размахивать. Пистолет в десять утра и с похмелья — несуразица, как детская игрушка, не страшно.

— Не маши руками, идиот! — Ксюше приходилось кричать сквозь лай. — Сиди тихо!

Но он не внял голосу разума, принялся резко водить рукой с пистолетом из стороны в сторону. Ксюша успела поймать за ошейники Сару и Дуньку. Лиза и щенки, вцепившиеся в брюки бандита, не в счет.

Силы, необходимой, чтобы удержать двух больших, рвущихся к добыче собак, у Ксюши не было. Но имелось почти девяносто килограммов живого веса. Она откинулась назад, зависла в метре от земли. Сара и Дуня, поднятые на задние лапы с перехваченными глотками, кашляли, хрипели, рвались вперед. Ксюша крепко держалась за ошейники.

— Быстро уходи! — крикнула Ксюша из центра живой композиции под названием «Женщина в одной тапочке и в распахнутом халате удерживает злобных псов».

Жалобно твякнули сброшенные с ног бандита Лиза и щенки. Сверкая телом сквозь порванные брючины, бандит затрусил вниз по лестнице.

Ксюша не торопилась вернуться из полумостика в вертикальное положение. Вернее, не могла. Отпустить ошейники нельзя — хлопнешься затылком о каменный пол. И собаки встать на четыре лапы, отжать ее вес, не могут.

— Мария Гавриловна! — завопила Ксюша.

Соседская дверь тут же открылась.

— Ушел грабитель? — высунула нос Мария Гавриловна, ярая противница служебного и декоративного собаководства.

— Ушел. — Ксюша вывернула голову. Ноги у нее дрожали от напряжения, спина затекла. — Пожалуйста, подтолкните меня!

Мария Гавриловна подлезла к Ксюше под спину, уперлась двумя руками, ножку отставила и что есть мочи толкнула. Живая скульптура рассыпалась — человек и собаки приняли исходное положение.

Ксюша ожидала, что соседка-пенсионерка станет привычно костерить животных и их хозяйку. Но вышло наоборот.

— Лизонька, Дунечка, щеночки какие хорошенькие!

Мария Гавриловна не только помнила имена собак, но решила их погладить:

— Сарочка! Хоть и еврейка, а умница! Ксения! Твои собаки нас спасли. Если бы не они, этот гад нас бы всех ограбил, из пистолета пострелял и даже ссильничал, гарантирую. Участкового звать будем?

Нет? Правильно! Я им косточки теперь оставлять стану. Голубушки!

У Ксюши мерзла нога, но она не торопилась прощаться с соседкой. Нечаянная удача: теперь Мария Гавриловна перестанет жаловаться в ЖЭК и в мэрию.

Когда Ксюша наконец вернулась домой, она тоже похвалила собак, потрепала их по холкам:

— Молодцы, девочки!

Ее девочки вряд ли смогли нанести тяжелые увечья бандиту. Испугать до полусмерти им в удовольствие. А загрызть человека — не то воспитание.

Бандит попался на редкость упрямый. Позвонил по телефону:

— Ксения Георгиевна! Я вас жду в машине внизу. Вы обязательно должны поехать со мной.

Она не стала отвечать, швырнула трубку на рычаг и выдернула телефонную вилку из розетки. Вымылась под душем, ступню пришлось пемзой драить. Волосы, единственное, что осталось от былой красоты, феном высушила. Даже неумехи из ближайшей дешевой парикмахерской не испортили Ксюшиной шевелюры. Как уродливо ни подстригут, густые русые волосы ложатся красивыми волнами.

Собаки сидели на кухне в ожидании кормежки, Ксюша загремела кастрюлями и мисками. Они с места не двинулись, но пустили длинные, до пола, слюни. Только хозяйка разрешила — можно, — рванули с места и в две секунды очистили миски. Теперь щенки. Старших Ксюша выгнала за дверь. Достала приготовленный с вечера кальцинированный творог — в четыре литра теплого цельного молока добавляется три ложки хлористого кальция и доводится почти до кипения, молоко сворачивается в творог. На второй завтрак щенкам мясной фарш, на обед рыба, на пол-

дник каша, на ужин омлет. Старших только вечером покормит, обычной едой — сваренным на мясном бульоне геркулесом с овощами. А сейчас нужно дать щенкам витамины, рыбий жир и по таблетке глюконата кальция.

Сара, Лиза и Дуня заняли пост в прихожей — пора на прогулку. Ксюша обулась в старенькие кроссовки, надела куртку. Остальную часть туалета составляли широкие спортивные брюки на резинках вокруг щиколоток и безразмерная линялая футболка.

У подъезда стояла иномарка — автомобиль с затемненными стеклами. При появлении Ксюши с тремя собаками (Сара и Дуня на поводках, Лиза свободна) в машине требовательно засигналили. Ксюша не обратила внимания. Дернула за поводки, направляя собак по привычному маршруту на пустырь.

Когда они возвращались, машина тронулась с места, преградила им путь. Плавно поехало вниз темное стекло со стороны водителя. Физиономия давешнего бандита. Перекошена от злости, но слова цедит вежливо:

— Ксения Георгиевна! То, что вы пожелали своему мужу, случилось. Он сдо... умер. Необходимо решить имущественные проблемы. Пожалуйста, поедemте со мной! Это в ваших интересах.

— Костик умер? — деловито уточнила Ксюша.

— Две недели назад.

Тень скорби не пробежала по Ксюшину лицу, но и радостью оно не осветилось. Только неприкрытая злость вспыхнула.

— Отбросил копыта, сволочь!

Бандит ухмыльнулся. Презрения заслуживали и самодур покойник, и его вдова, толстая дурында.

— Я вас убедительно прошу сесть в машину. — Он кивнул на заднее сиденье.

— Ладно, — согласилась Ксюша. — Отведу собак и спущусь.

Подранный собаками бандит вел машину молча и нахально. Он объезжал автомобильные пробки по тротуарам, опасно подрезал другие авто и не обращал внимания на светофоры. Совсем как Костик, тот в жизни не стоял ни в одной очереди. Локтями народ растолкает, к прилавку пробьется и свое получит. А Ксюша треть жизни в очередях провела.

У нее начался второй период похмелья, когда злость на себя саму перетекает в обиду на весь мир и даже загробных его представителей. Ксюша желала Костику тысячи самых мучительных смертей. А он, гад, взял и умер! Отомстил! Сам теперь на том свете в белых тапках, а она здесь терзайся. Накаркала! В мысленном препирательстве с мужем она желала ему хорошенько поджариться в аду. Костик победно улыбался и заявлял, что специально с ней не развелся. Пусть теперь всякая мразь вдовой ее обзывает.

— Вот тебе! — вслух сказала Ксюша и показала фигу затылку водителя.

От неожиданности тот едва не нажал на тормоз. Чокнутая! Определенно чокнутая! Правильно, что предупредил начальство по телефону: везет сдвинутую по фазе крейзи, готовьтесь.

Второй период у Ксюши обычно длится до семи вечера, когда снова приходит желание выпить, подружиться с миром, погрузиться в эйфорию хмельного «как бы все в порядке и даже замечательно в моей жизни».

Ни отреставрированный особняк в центре Москвы, ни многочисленная охрана, ни коридоры, холлы и просторная приемная, оборудованные с нарочито дорогой простотой, ни секретарша, спрыгнувшая с

подиума конкурса красоты, не произвели на Ксюшу впечатления. Все это были декорации из фильма, а она, Ксюша, в артистки не собиралась. Секретарша зашебетала приветствия, а потом уверения в глубоком соболезновании.

— Хватит сопли распускать! — грубо перебила Ксюша. — Какого лешего меня сюда притащили?

Секретарше стоило большого труда выдавить вежливую улыбку. Она распахнула дверь в кабинет:

— Прощу вас!

Из-за стола поднялся и двинулся навстречу Ксюше гладко выбритый-вымытый-благоухающий, законванный в дорогой костюм с деланой улыбочкой молодой человек. Стекла его узеньких модных очков слегка блеснули, а лакированная бровь дернулась при виде Ксюшиного наряда (она не стала переодеваться) и рваных брюк сопровождающего.

В дверце полированного шкафа, как в зеркале, Ксюша увидела отражение секретарши за своей спиной. Девушка скорчила физиономию, одной рукой показывала на Ксюшу, а другой крутила у виска.

Хозяин кабинета едва заметно кивнул секретарше и протянул Ксюше обе руки.

— Ксения Георгиевна! — пропел он. Так общаются с детьми и умственно отсталыми. От объятий Ксюша уклонилась (во дает!), но руку ее он захватил, затряс. — К сожалению, мы с вами не знакомы. Я вообще только узнал о вашем существовании. А Костя! — Херувимчик отпустил ее руку, свои молитвенно прижал к груди. — Он был моим лучшим другом! Формально он — начальник, я заместитель. Но нас связывали истинно товарищеские отношения.

Ксюша усмехнулась. Спектакль перед ней разыгрывает. За дурочку принимает. Сам, наверное, и пришел Костика.

— Что же это я? Вы присаживайтесь, вот сюда, в кресло. Удобно? Свет не мешает? Может, штору задвинуть? Чай, кофе? А давайте по русскому обычаю, помянем? — Он оглянулся на секретаршу: — Быстро все накрыть. Ах, ведь я забыл представиться. Кирилл Сергеевич Наветов. Прошу если не любить, то хотя бы жаловать.

Смазливая секретарша принесла два подноса с тарелками, бутылками и рюмками, поставила на журнальный столик.

Наветов перехватил жадный и одновременно сомневающийся (до семи вечера далеко) взгляд, который Ксюша бросила на бутылку с коньяком.

— Надо, надо, — приговаривал он, разливая коньяк, — обычай требует. Ну! Вечная память! Пусть земля будет пухом Косте Самодурову!

И поперхнулся, услышав Ксюшино напутствие:

— Туда ему и дорога!

Ксюша позавтракать не успела, да и пить без закуски себе не позволяла. Взяла белый хлеб, обильно намазала его сырным маслом, сверху положила ветчину, три кружочка сырокопченой колбасы, два варенокопченой, длинный ломтик маринованного огурчика, веточку петрушки — и все закрыла еще одним куском хлеба. Принялась жевать.

Наветов только пригубил коньяк. Покусывал кружок лимона и наблюдал за улетающей большой бутерброд Ксюшей. Он видел толстую неопрятную бабу, прожорливую любительницу поддать. Как мог Костик на такой жениться? Разве только с тюремной голодухи. Впрочем, окажись она современной волчицей, Наветову бы туго пришлось. А эту клушу он в два счета вокруг пальца обведет.

— Еще по одной. — Он разлил коньяк. — Извините великодушно, Ксения Георгиевна, что поздно на-

шли вас. Костю похоронили две недели назад. Не волнуйтесь — по высшему разряду. Есть видеопленка, мы вам обязательно дадим. Ну, не чокаясь, до дна, за Костика.

После второй рюмки Ксюша сделала себе рыбный бутерброд — с лососем, семгой, стерлядкой и осетром. В хамском поедании угощений она находила злое удовольствие. Лощеный хмырь думает, что он хитрый и ловкий. А перед ним сидит глупая толстушка, непонятным образом когда-то женившая на себе красавца Костика. Думает, втереть ей очки труда не составит. Пусть попробует.

— Бог любит троицу. — Наветов снова наполнил Ксюшину рюмку. — Теперь — за вас! Пусть вам, дорогая Ксения Георгиевна, сопутствует удача и много, много денег!

Он протянул к ней рюмку, чтобы чокнуться. Не получилось. Ксюша демонстративно отправила содержимое своей в рот. Втянула носом воздух, энергично выдохнула и принялась за пирожные. Под действием коньяка Ксюшина злость подтаяла. Ей даже стало жалко Костика, который в расцвете тридцати семи лет сыграл в ящик. Ксюша энергично и громко высморкалась в бумажную салфетку — слезы навернулись.

— Пристрелили? — спросила она.

Наветов изобразил притворную скорбь и молча развел руками: что, мол, поделаешь. Ксюша без приглашения взяла бутылку, налила в свою рюмку и залпом выпила. Подождала секунду и спросила:

— Что вам от меня надо?

— Видите ли, — затараторил Наветов, — вы оказались единственной наследницей Самодурова. Не бог весть какое богатство. Экспорт леса и еще всякая мелочишка. В последнее время дела шли не блестяще,

за фирмой долги. Не буду вам морочить голову, Ксения Георгиевна, хочу сделать выгодное предложение. Вы продаете мне акции, а я вам, — он выдержал эффектную паузу, палец поднял, привлекая внимание, — я вам пятьдесят тысяч долларов! Наличными или на счет в любой банк. Сбербанк, например? Очень хорошие деньги! Себе в убыток, но фирма мне дорога. В смысле — сердцу.

— Нет! — буркнула Ксюша, оглядывая стол и сообщая, что бы еще съесть.

Пусто. На тарелках сиротливо чахнут листочки салата. На них еще недавно лежали колбаса и рыба. От пирожных остались только крошки. А закусить надо. Чувствует, что опьянела. Ксюша собрала листья салата и стала их жевать — как корова или коза. Наветов изо всех сил старался не показывать виду, что его шокируют манеры вдовы.

Эта бабища — крайне неприятный сюрприз. Знай Наветов прежде о ее существовании, он бы совершенно иначе повел игру. Например, сладкую парочку, Красавчика и его супругу, одновременно отправил в райские кущи или к черту в пекло под траурный марш Шопена. Но если они по очереди станут поселяться на том свете, к его большой выгоде, только дурак не догадается, кто музыку заказывал. Зарубежные партнеры легкий запах криминала переносят, а зловония чураются. Сложная многоходовка, задуманная Наветовым еще при жизни Самодурова, рассыпалась как карточный домик. Бумаги, которым еще вчера цены не было, сегодня превратились в прах. Из-за этой, чтоб она сдохла, прямой наследницы.

Ксюша не посягала на грязные Костиковы деньги. Переживет без клокка шерсти с поганой овцы. Но сообщить об этом прямо не подумала.

— Как понимать ваш отказ? — удивился Наветов.

– Как хотите, – вяло отозвалась Ксюша.

Наветов не мог допустить мысли, что кто-то добровольно откажется от большой суммы. Единственное объяснение – торгуется.

– Сколько вы хотите? – спросил он.

– В десять раз больше.

Ксюша брякнула от балды, чтобы отвязался. И оторопела от его быстрой реакции:

– Согласен!

Пятьдесят тысяч, конечно, грязные деньги. Но умножить на десять... пятьсот тысяч – они гораздо светлее выглядят. Хмель вмиг слетел с Ксюши. Она пыталась вспомнить, сколько в цифре нулей и сколько породистых щенков по сто долларов каждый помещается в эту сумму.

– О чем вы задумались? Вы готовы сейчас подписать бумаги? Я приглашаю юриста? – Вопросы из Наветова так и посыпались.

Ксюша понимала, что затребовала мало (во привалило!). С Костиком они разделались, и ее пришить могут. Недавно в сериале видела – там из-за акций народ как зайцев стреляли...

– Ну вот что, господин Наветов! – Она медленно и тщательно вытерла салфеткой пальцы и губы. – В отличие от проходимца Костика, у меня есть завещание. Наследники – двенадцать двоюродных братьев и сестер.

Ксюша врала: завещания у нее не было, а единственного двоюродного брата, живущего в Забайкалье, она никогда не видела.

– Ясно выражаюсь? – Она вылила себе остатки кофе из серебряного кофейника. – Второе. За мной остается пять процентов акций.

Это тоже из сериала. Там хорошему герою настойчиво советовали не расставаться со всем пакетом.

У Костика наверняка было сто процентов — не из тех он, чтобы делиться.

— У вас девяносто пять, — цитировала Ксюша мыльную оперу, — у меня пять с правом продажи только вам. Устраивает? Хорошо. С вами свяжутся мои юристы, — она поднялась и направилась к двери, — с ними бумаги и подготовите.

«Мои юристы» — прозвучало! У толстой распустихи в старой куртке и спортивных штанах, в каких даже шпана уже не шеголяет, свои юристы!

Но они появились. Гораздо быстрее, чем ожидал Наветов. И не какие-нибудь самодеятельные, а высокопрофессиональные, из солидной фирмы. Наветов неприятно удивился.

У Ксюши друзей не было, но среди клиентов каких только профессий не наблюдалось. Бакс — свирепый эрдель семейной пары юристов — трепетал перед Ксюшей. До нее собаку стригли по шесть часов, с двумя намордниками и носом, перетянутым ремнями. Ксюша, только Бакс пасть разинул, засунула ему кулак в глотку, придавила гортань: будешь выкаблучиваться или поведешь себя как хороший мальчик? Шелковый стал. Два часа по нему машинкой возишь — только с ноги на ногу переминается. А в конце ее награду — поджаренные сухарики — принимает с благодарным визгом, как бифштексы сырые от юристов не берет. Славный пес. Цены бы ему не было, если бы хозяева твердость проявили, не потакали. На Ксюшу, собачьего парикмахера, они молились. И без уговоров взялись оформить ей наследство.

Вечером Ксюша устроила поминки по усопшему мужу. И так напоминалась, что на следующий день собаки до полудня не могли ее с кровати стащить.

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ КСЮШИ К КОСТИКУ

Ксюше было одиннадцать лет, когда в их 4-м «Б» появился новенький мальчик, Костя Самодуров. Все девчонки мгновенно в него влюбились, а Ксюша — нет. Она Костика вдохнула в себя, как вдыхают отравляющее вещество и на всю жизнь остаются инвалидами. Костик был замечательно красив. Пушистые ресницы вокруг больших карих глаз со слегка поддернутыми кверху уголками — вроде кошачьих, хищных. Тоненький правильный носик, выпуклые, словно обиженные, губы и персиковая кожа на щеках. Он был красив по-девчоночьи, но вел себя как заправский хулиган. От этого сочетания кукольной смазливости и мальчишеской лихости девичьи сердца таяли и кипели маслом на сковородке.

Костик учился плохо, но вызывал симпатию даже у преподавателей, в подавляющем большинстве женщин. Они многое ему прощали, только пальчиком грозили и умиленно (ах ты, милашка, проказник) журили за то, за что другим спуску не давали.

Ксюшина тайная внутренняя жизнь распалась на две части. В одной kloкотало нежное чувство к Костикку, в другой поселился страх, что это чувство кто-то заметит. Она стала нарочито грубой, употребляла выражения, подхваченные у пьяниц на улице. Ее замкнутость и недевичье поведение объясняли тем, что Ксюша растет без материнского участия. Но отец Ксюши, мягкий и добрый человек (с ним она оставалась прежней), не верил слухам, будто дочь сквернословит и ведет себя вызывающе. Свою любовь Ксюша и от отца скрывала. Прячала под матрасом тайный алтарь в виде папки, где хранились три украденных

фото Костики, его записка «Сашка гад верни трешку глаз на задницу натяну», клочок его волос, подобранный после драки, и листочек из дневника со сплошными красными двойками. Здесь же находился ее девичий альбом с вырезанными из журналов фото красоток и красавцев и душещипательными стихами про несчастную любовь. Ксюша днями рисовала орнаменты и узоры по краям листочков со стихами и тосковала по Костику. Подруг у нее не было, потому что ненавидела всех, кто все трепал имя ее кумира: «А Костик с Танькой на чердаке обжимался. Галка ему записку любовную написала. Он с Ирккой на каток ходил. Со Светкой вечером в подъезде стоял». Ксюше хотелось всех Танек, Ирок, Галок кислотой облить.

Шесть лет – до последнего десятого класса – Костик Ксюшу не замечал. Не подозревал, что ее качает на волнах любви: то вниз пойдет, она немножко его забудет, в пионерлагере с другим мальчиком подружится; то девятым валом поднимет от какой-нибудь небрежно брошенной им фразы, вроде «здоровский у тебя портфель» – всё, ночами не спит, подушку слезами орошает.

В выпускном классе Ксюша вдруг стала пользоваться популярностью. Мальчишки обратили на нее внимание по подсказке учителя-практиканта. После Ксюшиного ответа у доски практикант, не скрывая восхищения, произнес:

– Строение углеродов вы знаете на тройку, но у меня рука не поднимается поставить такой красавице меньше четверки.

И пошло-поехало. То, что раньше называлось «тормознутая, себе на уме», превратилось в «загадочная», «жиртрест» обернулся «ой, какими формами!». Ксюша похудела и выросла за то лето сразу на пять

сантиметров. Волосы потемнели и одновременно-выгорели на солнце, стали каштаново-рыжими, почти как у английского сеттера. Зеленые глаза, не еловые, а цвета листьев розы, в обрамлении черных ресниц казались подведенными карандашом, хотя косметикой Ксюша не пользовалась. Тяжеловатый подбородок не портил правильного овала лица, да и мелкие прыщи и угри наконец сошли. Даже нос, прежде заметно курносый, точно выпрямился, а бесформенные губы приобрели границы с легкой припухлостью по контуру.

Период ее примадонства оказался очень коротким, потому что Костик быстро отодвинул в сторону остальных ребят и заявил о своем единоличном владении Ксюшей.

Ни о каких институтах-техникумах, экзаменах-книжках речи теперь не шло. В Ксюшиной голове словно вентилятор крутился, выдувая все мысли, не связанные с Костиком и его желаниями.

Ксюша выросла с отцом — мама умерла рано. Отец работал кинологом. Ксюша с детства любила и понимала собак. А Костик их терпеть не мог. И из дома исчезли старые верные псы. Костик нигде не работал, Ксюша отдавала ему большую часть своей зарплаты дворника на автозаправочной станции. Отец пытался вразумить ее, открыть глаза «на ничтожного проходимца». Ксюша возненавидела отца, и он уехал из дома. Жил при собачьем питомнике за городом.

В армию Костика не забрали, потому что он угодил в тюрьму. На пять лет. Потом будет говорить — по экономическому делу. Старика адмирала ограбить — называется «экономическое дело». Ксюшу на бензоколонке повысили — до кассира. Хорошо, сама за решеткой не оказалась, ведь воровали безбожно, между собой кормилицу-станцию звали «Водолей». Ксюша

деньги тратила на посылки Костику. Ездил к нему в Коми АССР на свидания. После освобождения пожелались. Ее счастью не было предела.

Говорят: вода камень точит. Известняк она быстро разрушит, с гранитом повозится, а Ксюшина любовь была что Курская магнитная аномалия, сплошь из железа. Как только Костик над ней не измывался – все прощала. По заду ее двинет: «У, корова, отрастила корму. Такие только черномазым нравятся» – это он шутит. Напьется и ночью измучает ее выкрутасами – так ведь в журнале написано, что между любящими мужчиной и женщиной не может быть постыдного в сексе.

От большой любви Ксюша научилась слушать Костика, не слушая. Он говорит – она любит, но в смысл его слов не вникает. Потому что говорит он всегда одно и то же и не очень справедливое: все кругом идиоты, дураки, сволочи, а он – самый умный и ловкий. Бог, царь, пуп земли и воинский начальник – вот кем видел себя Костик. Его любовное чувство к самому себе было похлеще Ксюшиной африканской страсти. И фамилия ему досталась говорящая – Самодуров. Предки, видать, тоже скромностью не отличались.

На рождение дочери Катеньки муж отреагировал вяло. Упрекнул: «Сына не смогла!» У Ксюши и тут оправдание для него нашлось: мужчины к младенцам часто равнодушны, отцовские чувства у них потом просыпаются. Сама она пребывала на седьмом небе от счастья. Тосковала без щенков – веселых сгустков беззаботной энергии. Но никакие щенки не могли сравниться с радостью и восторгом, какие дарил маленькая доченька.

Жили они очень бедно, хотя Костик уже подался в бизнес. Чтобы держать марку, ему требовались до-

рогие костюмы, ботинки, пальто, дубленки. От Ксюшиной стряпни нос воротил, для имиджа по ресторанам питался. А она на макароны налегала. И все верила, верила в свою счастливую планиду. От каждого доброго Костиного слова хмелела (спиртного она тогда в рот не брала). Говоря по-научному, вьелся в нее Костик на генном уровне. И извлечь его из Ксюшиной башки можно было лишь путем трепанации черепа.

Только то, что он устроил, хуже любой трепанации оказалось.

В три годика Катенька была загляденье девочка. Все лучшее от родителей взяла — папины глазищи, мамины кудряшки. А смышленная, а потешная! Щебечет — как ручеек журчит. Костик дочерью загордился, денег подбрасывал на ее наряды, с собой часто брал — хвастался. Ксюша его уговаривала: «Не разрешай ей по машине ползать с заднего на переднее сиденье, купи стульчик специальный, пристегивай». Он отмахивался. Доотмахивался. Врезался на полной скорости лоб в лоб с другой машиной. Дочка через переднее стекло вылетела, прямо под колеса самосвала. Костик шишкой отделался да легким сотрясением, а от доченьки только ножки остались — в белых гольфиках с розовой оборочкой.

Ксюша в психушку попала. Ей там уколы кололи и таблетками пичкали, магнитные волны через голову пропускали. Но даже в больнице, сквозь сумеречное сознание, она чувствовала — простит Костика. Приголубит он ее, пожалеет — и простит она дочкину смерть. Да и что прощать, когда прав Костик — она сама во всем виновата. В чем конкретно — не объяснить, но ее вина не имела границ, как бесконечность.

Выписалась из больницы, домой вернулась Ксюша не до конца психически здоровой. Соображение у

нее точно замедлилось. Смотрит на веник или чайник в руки берет — и не может сразу вспомнить, для чего эти предметы служат. На улицу страшилась выходить, с людьми разговаривать. Один свет в окошке — Костик. Цеплялась за него как за соломинку. А он и был не надежнее соломинки. Пропадал на работе, дома ночевал не каждую ночь, трезвый обращался точно с прислугой, пьяный — куражился. Толстопузой мымрой обзывал, говорил: «Крыша съехала, не поправишь». Тогда Ксюша пить и начала. В алкогольном дурмане пусть короткое, но забвение находила.

На задворках сознания билась мысль, что катится она в пропасть. Но было не страшно: чего бояться, когда пропасть вокруг — и позади, и впереди. Природа заставляла ее дышать, питаться, двигать ногами, выполнять домашнюю работу, а смысла все это не имело. Только в подпитии мрак рассеивался, губы растягивались в улыбке — мечты о счастливой жизни с доченькой и мужем становились почти реальными, осязаемыми.

Ксюшино падение остановилось у гроба отца. Она смотрела на его неузнаваемые, заострившиеся черты и с ужасом понимала, что исковеркала не только свою, но и жизнь отца — единственного родного человека. Ради Ксюши он научился варить каши и уютжить ее платица, ставить ей банки и горчичники во время болезни, пришивать белые воротники и манжеты к школьной форме, плести косички и завязывать банты. Он покорился ее бунту, когда вздумал жениться, а Ксюша в истерику: нам с тобой чужие тетьки не нужны! Он хотел, чтобы дочь поступила в институт, получила образование, а она пошла в дворники. Он пытался раскрыть ей глаза на ничтожество ее избранника — Ксюша выгнала отца из дома. Он не

проклял дочь, хотя имел полное право. И Ксюша уже никогда не извинится перед ним, не скрасит его жизнь теплом и заботой. Поздно!

Немногочисленные приятели Ксюшиного отца удивленно переглядывались. Дочь годами не показывалась, а тут от гроба не оттащить. Плакать не плачет, но держит покойника за плечи и смотрит на него безумными глазами, словно ждет, что он ей скажет.

Ксюша действительно страстно желала услышать прощение, или напутствие, или совет, или ласковое слово. Она судорожно сжимала пальцами каменно холодные плечи отца. Была бы возможность вдохнуть в него жизнь, отдать остатки своей — она бы ни секунды не задумывалась.

Ей вдруг послышался легкий свист. Наверное, от колоссального напряжения стало мерещиться. Отец всегда насвистывал, когда работал. Мертвое лицо будто подернулось туманом, и Ксюша увидела живое — родное и надежное лицо отца. Он мажет ей, ревушей в три ручья, сбитые коленки зеленкой и приговаривает:

— До свадьбы заживет. Без падений не научишься бегать. Не поднимешься, если не падала. Эх ты, рева-корова! Из-за пустяковой царапинки нюни распустила.

— А-а-а! — верещит Ксюша, одновременно маленькая девочка и настоящая, взрослая. — Ты не знаешь, как мне больно! Ты не знаешь, что я пережила!

— Что же теперь? — спокойно спрашивает отец.

— Не знаю, — бормочет Ксюша.

Отец стоит у порога. Когда много лет назад он уходил, на коврике у дверей показал:

— Тряпкой не будь, о которую ноги вытирают!

После похорон Ксюша другим человеком стала. Вино пить не бросила, но от любовного угара похме-

лье наступило, жестокое и злое. Ничего, оказывается, Ксюша Костику не простила — ни детских обид, ни взрослых. До поры до времени загоняла их в подвалы любящей души, а теперь поплыли они оттуда мутным потоком. И ее железная аномалия стала быстро ржаветь. Двадцать лет любила, в год возненавидела.

Сначала огрызалась на его выходки, потом орать стала. Он руки распустил, она за нож схватилась — зарежу! Костик оценил — правда зарежет. Странное дело — зауважал Ксюшу, по-другому смотреть стал, даже лебезил.

Она с детства умела обращаться с собаками — животными удивительной преданности и абсолютной любви к человеку. Но именно очеловечивать собаку нельзя. Это не ребенок, не маленький человечек — животное. Строгость, порядок, отшлифованные рефлексy собаки во благо. Счастье для нее — отлично выполненная команда. Заслуженное наказание — свидетельство гармонии мира. Упорные тренировки — гордость высшего образования.

Неужели и с мужчиной (человеком!) нужно было поступать так же? Особачить его?

Впрочем, как нужно было поступать с Костиком, Ксюшу более не волновало. Муж вызывал у нее стойкое отвращение. Костика она прогнала: уйди по-хорошему, пока я тебя ночью подушкой не накрыла, очень хочется. Свой заветный алтарь, включая девичий альбом и фотографии мужа, сожгла в мойке на кухне. Завела собак и пять лет слышать не слышала о Костике.

**Глава вторая,
в которой Полина делает страшное открытие
и мужественно готовится в последний путь**

ОДНА СТОРОНА МЕДАЛИ

Счастливое детство Полина провела в подмосковном городе Реутово. О ее родителях несколько раз писала местная газета и один раз центральная. У папы наград не было, а у мамы – медали. Мать-героиня – двенадцать детей. Хотя знакомые шутили, именно отцу следует дать орден за производительность. Во дворе их дразнили баптистами, потому что баптистам вроде бы вера предписывает рожать сколько получится. Но родители Полины в секты не ходили и были в меру православными, то есть детей крестили, а на Пасху пекли куличи и красили яйца. С какой целью они неустанно плодились, не понимали ни соседи, ни знакомые, ни дети, ни, похоже, сами родители. Один корреспондент задал маме каверзный вопрос:

– Что вами движет?

Она вспыхнула смущенно и попеняла:

– Как не стыдно о таком спрашивать!

В статье потом было написано, что ею движет большая любовь и стремление дать жизнь новому человеку и гражданину великой страны. А папины слова про то, что после пятого число детей роли не играет, вообще не упоминались. Ему приписывалось высказывание, которое он бы в жизни не выговорил: «Каждая личность уникальна в своей неповторимости и священна в праве на бытие, как сказал великий философ».

Папе с его двумя работами и вечно беременной маме было не до философии. Только успевали пово-

рачиваться, чтобы орду напоить, накормить, одеть мало-мальски и тумачков раздать.

Про что правильно журналист написал, так это про двадцать пар обуви в прихожей на стеллажах. Но он не видел, что творится, когда утром братья для потехи свалют всю обувь на пол — попробуй в давке свою пару отыскать.

Поля была тем самым роковым по счету пятым ребенком, за которым уже число потомков значения не имело. Ее так поразили слова отца, что каждый раз, когда у мамы вырастал живот и ожидалось появление братика или сестрички, она испытывала неясное чувство вины и раскаяния.

Мама умерла, когда самая младшая, Зойка, школу окончила. То есть всех на ноги подняла, и никто из детей по кривой дорожке не пошел: мальчики в тюрьму не попали, а девочки не стали доступными женщинами. Врач про причину маминой смерти сказал: «Израсходовала себя без остатка».

Внешностью Поля удалась. Ее лицо не просилось на обложки журналов, напротив, оно состояло из недостатков — глазки маленькие, нос бульбочкой, подбородок пипочкой. Но вместе они превращались в достоинства, отчего личико Поля производило впечатление абсолютной простоты, доверчивости и бескорыстной доброты. Люди с такими лицами отдают последние деньги попрошайкам и верят легендам про «мы сами не местные, кошелек на вокзале украли, помогите, Христа ради». Стань Поля врачом, она, пожалуй, не пользовалась бы авторитетом у пациентов. Уж больно проста и бесхитрозна ее внешность — высшее образование не вырисовывается. Но попасть на излечение, под опеку к такой медсестре — значит семимильными шагами двигаться к выздоровлению.

О медицине Полина никогда не мечтала — крови боялась. Она закончила в Москве техникум, устроилась чертежницей в конструкторское бюро большого завода, познакомилась с Василием. Когда их отношения мягко подкатили к дверям ЗАГСа, она без обвиняков предупредила: я детей не хочу и рожать не буду. Словно специально задуманная природой для материнства, Поля израсходовала свои инстинкты в детстве и юности. Их поглотили младшие братья и сестры: пеленания, купания, ночные бдения у постели заболевших, прогулки с колясками вместо танцев в клубе и вечные очереди — в туалет, в ванную, за обеденный стол, за платьем сестры, за маминой лаской. Вершиной семейного счастья Полина считала тишину и одиночество в доме.

Она слышала, что можно сделать операцию с гарантией абсолютной бездетности. Женщине перевязывают какие-то трубы у матки, и она не может забеременеть, хоть тресни. Василий против операции не возражал. Поля страстными поцелуями доводила его до белого каления, а дальше ни в какую — в заветное место не допускала. Боялась понести и, как мама, без видимой причины наплодить целый полк. Прощай тогда тишина и спокойствие.

Они поженились, а с операцией возникли сложности. Контрацептивам, которые, по рассказам женщин на работе, рвутся, как детские шарики, Поля не доверяла. И крутился Вася ужом на сковородке — вроде и муж, а не допущен по-серьезному к телу. Смех и грех были первые полгода их семейной жизни. Кому рассказать — животы надорвут. Но Васе было не до смеха, а Поля, глядя на него, слезами обливалась. И все-таки твердо берегла свою девственность.

Оказалось, что по закону ей операцию делать нельзя. Во-первых, не исполнилось еще тридцати пя-

ти, а во-вторых, не было двоих детей. Интересная картина – бесплатно аборт делай, но избежать их ни за какие деньги не разрешается.

Вася выл от тоски и страсти, Поля чувствовала себя обманщицей и палачом. Пока не нашлась лазейка. Сначала в виде врачихи. Та выдала Поле справку о наличии тяжелого заболевания сердца и медицинских показаний к стерилизации. Потом договорилась с хирургом-гинекологом, что та справке поверит и трубы перевяжет. Деньги, которые откладывали на телевизор и холодильник, ушли на взятки докторам. Живот Полине резали под наркозом, и шрам остался как после аппендицита. Зато никаких волнений на всю оставшуюся жизнь.

По скромности Поля никогда об этом разговора бы не завела. Но если бы ее спросили, как счастья интимного добиться, посоветовала бы следовать их примеру: год поститься и воздерживаться, а потом – как с обрыва в реку, в пучину благодати и удовольствия.

Зажила Поля как мечтала. Работа необременительная, в семейном общежитии не долго мыкались – Васю по профсоюзной линии стали двигать, квартиру дали, он институт вечерний закончил. А в последнее время вовсе в гору пошел – в префектуре работал, его кандидатура на выборы в городскую думу рассматривалась. Ремонт сделали, обстановку купили, летом в Сочи ездили, в Болгарию на Золотые Пески.

Свободное время Полина посвящала любимому занятию – кулинарии. Книжки с рецептами штудировала – как некоторые любовными романами зачитываются. Хорошие рецепты из журналов вырезала и в специальную тетрадку наклеивала. Потом у нее этих тетрадок набралось как собрание сочинений –

два десятка. Вначале она (полуголодное детство сказывалось) за количеством гналась. Консервов на зиму сто банок заготавливала, муку, сахар, картофель мешками покупала. Это на двоих-то! Конечно, не пропадало — братья и сестры на что? Потом качеству стала внимание уделять — готовить понемногу, но изысканно, и времени на благопристойное дело не жалея.

Цыпленок фаршированный, например, — еда на один присест, а четыре часа готовится: шкурку аккуратно снять и послойно фарши проложить — куриный, грибной, сырный, паштетный, по границе каждого слоя тонкий пласт ветчины, в центре тушки дольки ананаса. Свернуть и ниткой суровой зашить, чтобы цыпленок выглядел как до потрошения. Запекать при разных температурах, поливая соусом с вином мускатным. Салаты Поля никогда магазинными майонезами не заправляла, свои делала. Не унижалась до того, чтобы на гарнир просто белый рис сварить. Из китайской кухни переняла — рис с креветками, грибами, с соевым соусом; из узбекской — рис с луком, морковью, со специями. О приготовлении супов, мяса, рыбы, овощей, холодных закусок и десертов Полина могла говорить часами. А у тех, кто ее слушал, начиналось обильное отделение слюны и желудочного сока.

Поля не понимала женщин, которые заявляли, что им готовить надоело. Это сейчас-то? Когда продукты в ассортименте и без очереди. Ведь сколько еще простора для творчества! Взять хотя бы дары моря! И приготовить их в кляре — креветки, кальмары кольцами, мидии и даже неведомые осьминоги и устрицы. На гарнир подать французский салат под соусом «Цезарь» — пальчики оближешь! Или ростбиф по классическому английскому рецепту, или фаршированный репчатый лук...

Каждый прием пищи, ужины в будни и воскресные трапезы становились для Поли маленькими праздниками, которые она загодя планировала и с чувством отмечала, вкладывая в сырое мясо и овощи не меньше страсти, чем скульптор в глину и мрамор. На воскресные обеды периодически и по очереди приглашали семьи Полиных родственников. Братья и сестры, а также их супруги отдавали должное Полиному мастерству. Но только Вася под влиянием жены превратился в настоящего ценителя и гурмана. За пятнадцать лет их совместной жизни он научился отличать телятину от говядины и поправился на семнадцать килограммов.

Но однажды злой рок вполз в счастливую Полину жизнь. Она готовила чернослив в шоколаде, когда без предупреждения пришли сестры Вероника и Лена. Все дети их многочисленного семейства общались и дружили по трем возрастным группам — старшей, средней и младшей, по четверо в каждой. Полина была из средней, следом за ней в той же группе числилась Лена, а Вероника — из младших. Полина удивилась их совместному приходу, но не особенно — границы групп были подвижны. На тревожные лица сестер не обратила внимания, поспешила поделиться своими достижениями и открытиями. Лучше покупать испанский чернослив без косточек, чем среднеазиатский — хоть и дороже, зато мясистее. Грецкий орех вовнутрь чернослива засунуть — не велика задача, да вот шоколад плохо к сухофрукту пристает, то сползает, то осыпается. Полина придумала — вначале чернослив в сахарную глазурь окунуть, а когда та еще не полностью застыла — в теплый шоколад.

Она показала на плоды своих трудов — коричневые головки на спичках, воткнутые в белый батон, похожие на грибы строчки.

— Остынут, я вас угощу, — пообещала Полина. — А сейчас осетринки, запеченной с грибами, поешьте. Салатик из авокадо. Не пробовали? Сначала противно, но потом привыкаешь.

Она угошала сестер, деликатно не спрашивая о причине их неожиданного визита. Скорее всего, денег будут просить. Наверное, много надо, если вдвоем заявились и сидят как примороженные. Поля мысленно высчитывала, сколько сможет одолжить без ущерба для семейного бюджета. Ей и в голову не могло прийти, что причина гораздо страшнее и ужасней.

— Поля, ты как себя чувствуешь? — спросила Лена, отобедав. — Еще хорошо?

— Что значит «еще»? — беззаботно пожалла плечами Полина. — Нормально я себя чувствую. Чай завариваю или в пакетиках?

— Поля! А ты мне шубу свою не отдашь? — подала голос Вероника.

— Все-таки они, младшие, иждивенцы. Правда, Поля? — возмутилась Лена. — Привыкли на нашем горбу выезжать.

— Ее шуба только мне и Сашкиной жене по размеру подойдет, — оправдывалась Вероника.

Поля была полностью с Леной согласна — облаглели младшие. Конечно, им перепало с ее плеча. Но чтобы новую шубу, не дешевую, один сезон ношенную! Хватило же нахальства просить!

— Ой, Полечка, ой, сестричка моя дорогая! — вдруг запричитала Лена. — Как же мне тебя жалко! — залилась слезами.

Вслед за ней заревела Вероника:

— Я тебя больше всех любила! Ты такая добрая, хоть и обеспеченная!

— Что это с вами? — поразилась Полина. — Вы чего голосите?

И тут они сквозь рыдания принялись выкладывать. Мы все знаем, про болезни твои смертельные, ты на нас рассчитывай, до последнего за тобой ухаживать будем, ты наша ненаглядная, хорошо, детей нет, Вася убивается, папе лучше не говорить.

Папа уже давно запутался в детях, внуках и племянниках. Василий если и убивался, то только на работе, а дома отдыхал как положено.

— Вы что несете, дурочки! — возмутилась Полина. — Какие болезни? Кто вам сказал?

Не сразу, но она воссоздала картину. Предчувствуя недоброе, заставила Лену звонить по всей цепочке, сама слушала по параллельному телефону.

Лене сказала жена второго по старшинству брата, Пети, Петиной супруге сказала Маша — сестра после Игоря, Маша узнала от Игоря, третьего с конца, Игорю донесла Клава, которая между Петей и Колей, с Клавой поделилась Маринка, младшая из средних, Маринка и Веронике сказала, а сама узнала от Зойки, последней с конца. Расхождения в диагнозе наблюдались только по поводу рака печени или желудка. Но то, что зловарные опухоли поселились еще и в Полининых мозгах и коленках, подтверждали все.

Окончательно Полину доконал разговор с Зойкой.

— Точно знаю, — твердила она. — Ой, мне так жалко Полинку! Нет, не верю, что она не знает. Мне сам Вася сказал. Он так убивается! И не в желудке, а в печени у нее рак. Она обследование проходила, у них бесплатное в кремлевской клинике, полностью просветили. Вот бедная, такая молодая еще!

Полина с тихим верещанием опустила на стул и разрыдалась. Сестры, наконец, занялись тем, зачем приехали, — стали утешать.

ДРУГАЯ СТОРОНА МЕДАЛИ

Двадцатилетняя Зойка давно положила глаз на Василия — не старый, перспективный, внешность представительная и манеры хорошие. Детей нет и жене не изменяет, что положительно. Он, конечно, из тех верных, что верны, пока трезвы. А подпоить да намекнуть — бери его голыми руками. То есть ты, меня, Вася, бери — вот она я, в тебя до ужаса влюбленная, молодая и горячая. Зойка заманила Васю к себе под предлогом «серьезного разговора, который должен остаться между нами». Она комнату снимала на Пролетарке и работала продавцом в универсаме рядом. Слово за слово, рюмка за рюмкой, и не заметил Вася, как он уж без штанов и в постели с Зойкой.

Когда домой приехал и Поле врал, что на заседании в управе задержался, терзался мысленно. Слово себе дал, что не повторится, да не сдержал. Затянуло его, как в омут, — не выберешься. И оправдание нашел. Коллега, который пять раз курить бросал, а потом рукой махнул, подсказал: «Это сильнее меня». Сильнее Васи оказалась его страсть к молоденькой Зойке.

Соблазнить его было делом нетрудным. Но дальше — ступор. Не хотел Вася с Зоиной сестрой разводиться и на Зое жениться. Она Васю и слева, и справа, сверху, снизу прихватывала — выскальзывает. А время поджимало. Потому что второй брак не мешает карьере только до определенного уровня. Скажем, президентов-разведенцев не бывает, а в администрации — навалом тех, кто по второму разу женат. У мэра вторая жена. Но если бы он разводился, будучи мэром, — это мало кому бы понравилось. А у Васи перспектива в Московскую думу попасть.

Дальше — кто знает. Залетит высоко — останется Зоя у подножия, как мимолетное видение. Сейчас самое время судьбу решать.

Как всякая тайная любовь, Васин роман с Зойкой превращался в клубок лукавства, день ото дня растущий и туже затягивающийся. Зойка твердила о своей любви, загубленной молодости и о далеко идущих планах не умалчивала. Соблазненный Вася покорно признавал себя обольстителем и поругателем девичьей чести. Он врал и жене, и любовнице. С Полей разводиться не хотел, но и прямо сказать Зойке, что не женится на ней, язык не поворачивался.

Вася был настоящим хорошим парнем. Всегда, с детства. Твердый хорошист в школе, он не рвался в общественники, но никогда не отказывался от поручений, вроде стенгазеты или роли безмолвного дворецкого в школьном спектакле. В армии он легко стал отличником боевой и политической подготовки, хотя ни той ни другой не занимался, а делал в мастерской табуретки и этажерки для семей офицеров, выпиливал лобзиком ажурные полки, которые потом дарили проверяющим из штаба дивизии и округа. Он выгодно отличался от других парней основательностью, надежностью и, главное, отсутствием тяги к спиртному. За что получил благодарность командования и удостоился принятия кандидатом в члены КПСС.

И внешне Вася был как бы усредненным — лицо простое русское, рост средний, в юности была фигура, нынче небольшой животик. Начал лысеть, но не катастрофически, а благородно — со лба и медленно. Искушенный взгляд мог бы отметить, что у Васи красивые руки, изящная форма кисти и длинные пальцы. Занимайся он музыкой, мог бы добиться растяж-

ки от «до» до «фа» через октаву. Но Вася на рояле не играл, хотя руки свои уважал за мастеровитость. У его отца была небольшая столярная мастерская в сарае, где они вместе делали табуретки, полки и даже навесные шкафы на кухню.

Самым смелым поступком в Васиной жизни стало решение ехать после армии в Москву и по лимиту поступить на большой завод. Но появился Вася в столицу не с бухты-барухты, а имея в кармане приглашение вербовщиков, которые агитировали в части. Сам Вася был из Оренбургской области — в небольшом сибирском городке жили его родители и две сестры.

Малопьющий студент-заочник и на заводе долго в тени не остался, потому что не отлынивал, как многие, от поручений общественных организаций. Носил и не терял транспаранты на демонстрациях, ездил в выходные на овощные базы и в подмосковный колхоз, заседал в товарищеском суде и патрулировал улицы с красной повязкой дружинника на рукаве. Вася никуда не рвался, и, очевидно, поэтому его усиленно двигали вверх, пока не выдвинули в префектуру. Он и здесь с неба звезд не хватал, но пользовался большим уважением за те же основательность, надежность и трезвый образ жизни.

Вася жену любил в соответствии со своим характером — прочно и устойчиво. Поля была для него родным организмом, будто он раздвоился и жил со своей второй половиной. Как угораздило основной его половине совратить молоденькую девушку, да еще сестру жены, Вася объяснить не мог. В этой ситуации действовала не голова его, а другие части тела, которые мозгов не имеют. Но Вася точно знал, что новой, вместо Поли, жены ему не нужно. Замена была равносильна ампутации руки и пришиванию протеза. Дом

у них — полная чаша. И каждая вещь из обстановки, люстра или гарнитур, планировались загодя, покупались любовно и радостно водружались. Сейчас дачный участок на повестке дня. Вася уже и заявление написал. Шестьдесят километров от Москвы, и все коммуникации в проекте. А готовила Поля! Вкуснее ее обедов Вася не едал. Зойкина стряпня не многим лучше столовской.

Но с другой стороны, Васю к Зойке влекло неудержимо. И как порядочный человек, он жалел девушку, мечтающую, естественно, о доме, семье и законном муже. Он не знал, куда глаза девать, когда Зоя мягко, но настойчиво спрашивала:

— Ты же, Вася, не такой? Не поматросишь и бросишь? Я тебя люблю, ты меня любишь, а жизнь проходит. Когда мы поженимся?

Очередной раз загнанный в угол, Вася вдруг нашел простое и гениальное решение.

— Не могу я с Полиной разойтись, — молвил он печально. — Дело в том, что она больна. Очень серьезно. Злокачественные опухоли в мозгу, в печени и в коленных суставах. — Для надежности Вася прошелся по телу жены с головы до ног. — Последней сволочью буду, если оставлю ее в таком состоянии. Да и недолго ей осталось.

Надо отдать должное Зое. Сначала она ужаснулась участи сестры (ой, бедняжка, горе какое), утерла невольные слезы, а только потом подумала о преимуществах сложившейся ситуации. Выходить за вдовца не в пример лучше, чем уводить мужика из семьи. И с родней проблем не будет — никто не упрекнет, что сестре свинью подложила.

Зоя обрела душевное равновесие, настроилась ждать, но ее так и подмывало поделиться с кем-нибудь кошмарной новостью. Она рассказала Ма-

ринке, младшей сестре из средней группы. Маринка (конечно, тоже очень расстроилась) поделилась с Вероникой – и пошла писать губерния. Через десять дней взбудораженная и опечаленная родня делегировала Лену и Веронику к Полине – разузнать подробности, утешить, предложить помощь.

Вася задерживался, но это было в порядке вещей. Ему теперь приходилось до позднего вечера разрываться между управой, администрацией, мэрией, попечительским и опекунским советами, комиссиями по градостроительству и делам несовершеннолетних, навещать в комитет муниципального жилья и в объединенную дирекцию эксплуатации зданий. И это только по работе. А еще общественные нагрузки – благотворительные фонды и разные объединения...

Полина, проводив сестер и наплакавшись до икоты, обессиленно лежала на диване. Она чувствовала все симптомы надвигающейся смерти: голова гудела и пульсировала, печень камнем давила, как будто жирного поела, а колени ее давно беспокоили – с тех пор, как стала поправляться, вес набирать. Положив руки на грудь, как покойница, она тихо выла от жалости к себе.

Вернувшийся из теплоэнергонадзора (то есть от Зойки) и увидевший опухшую от слез в скорбной позе жену, Василий не на шутку встревожился:

– Что с тобой, милая?

Поля с трудом сползла с дивана, простонав:

– Вася-а-а! Я все знаю. Зойка сказала.

Мысли понеслись в голове Васи с космической скоростью. Переизбрание, выборы в думу, Сам не приветствует разводов, Полина хорошая жена, я

подлец бессовестный, я к ней привык, а к другой еще прилаживаться надо, дачу затеяли строить, нажитое барахло делить жалко, да и стыдно, Поля во всех отношениях, а в некоторых отношениях... Его неудержимое влечение к Зойке враз пропало, как сквозь землю провалилось. Хотя и самому Васе хотелось туда же провалиться от стыда и страха перед расплатой.

Он рванул с места, крепко обнял жену, прижал ее голову к своей груди и затвердил:

– Прости, прости, прости меня, дорогая!

Полина за вечер вылила корыто слез. Но они снова потекли, уже не соленые, а на вкус точно дистиллированная вода.

– Это хорошо, Васечка, – она подняла голову, – что ты мне ничего не говорил, правильно делал.

– Так ты меня прощаешь? – Василий смотрел на нее с удивленным восхищением.

– Конечно, голубчик. А ты... ты мною теперь... не брезгуешь? Я тебе не противна?

В этот момент Полина была ему милее всех женщин мира. Василий искренне принялся ее разубеждать, осыпать поцелуями. Стоя на краю могилы, Полина неожиданно насладилась пылким объяснением в любви.

– Я с тобой, – восклицал Василий, – только с тобой, до самой смерти!

Упоминание о смерти вызвало новый приступ рыданий. Но благостных – не каждой женщине улыбнется проститься с жизнью, имея такого преданного, верного, любящего супруга.

– Для меня самое страшное, – призналась Полина, – как подумаю, что там без тебя.

Вася ее «там» воспринял как слово-паразит, вроде «ну» или «вот». Говорят ведь: «Он там пришел», имея

в виду просто «пришел». Или о Поле родня сплетничала: «Она там не Майя Плисецкая, чтобы детей не рожать». Поля под «там» подразумевала загробный мир. Она смутно представляла себе жизнь после смерти, но все-таки жизнь была обещана, хоть и без хорошего питания.

Они еще долго говорили — каждый о своем. И ни одной накладки в их беседе не случилось, потому что Поля страшилась произнести слова «болезнь, рак», а Вася считал неприличным упоминать имя сестры-любовницы. Они ворковали, сюсюкались, как в юности. А после нежной и продолжительной постельной утехи Вася предложил:

— Давай никогда-никогда об этом не вспоминать? Будем жить, словно ничего не случилось?

Полина вздохнула и согласилась.

— С работы уйду? — советовалась она. — Платят копейки, чего уж тратить время. Буду о тебе заботиться, пока силы есть.

— Увольняйся, — одобрил Вася. Он был готов на любые подвиги ради жены. — Хочешь, перстень тебе с изумрудом купим? Нет, перстень и сережки!

Вася никогда транжирой не был, а тут предлагал бессмысленные траты — Поля даже задохнулась от его благородства.

— Птичка моя, — она гладила его грудь и всхлипывала, — котик, зайчик, пампусик! — Из Поли в минуты нежности ласковые слова потоком лились.

— Ты, главное, одно запомни! Я тебя до гроба люблю, и никто мне, кроме тебя, не нужен! — У Васи тоже слезы навернулись на глаза.

Он не ожидал, что женщина, даже Поля, способна подняться на такую нравственную высоту — проявить понимание, с ходу простить измену, забыть о

мужниных грехах и утопить непутевого в ласках и обожании.

Поля восприняла слезы мужа как скорбь по ее грядущей кончине. Своим носовым платочком, мокрым от ее слез, высморкала мужа как ребенка.

— Ничего, родной! — вздохнула она. — Когда ты рядом, мне и смерть не страшна. Я о тебе до последней секундочки думать буду.

— А я о тебе, — заверил Вася, — всю оставшуюся нам жизнь!

Ночью Поле приснился сон. Будто она умерла и ее хоронят. Гроб длинный и широкий, как лодка. Несут его, по пять человек с каждой стороны, братья и чужие мужики. От неимоверной тяжести носильщики плетутся на полусогнутых, лица покраснели от напряжения. Вдруг дно гроба не выдерживает, доски с треском ломаются, и Полина падает на землю. Лежит на асфальте в белом саване и хлопает глазами. (Так во сне — хлопает и слышит, что говорят.) Склонились над ней головы, и одна (вроде брат Петя) журит: «Что ж ты, мать, так разъелась?» Другая (брат Володя) обижается: «Из-за тебя грыжу заработаем». А Вася суетится рядом, саван задравшийся на пухлые коленки ей натягивает и успокаивает: «Ничего, ничего! Мы сейчас кран подъемный вызовем, на лафет ее, как члена правительства, положим».

Полина проснулась в холодной испарине. Вещий сон! Предсказание ей и напутствие. В самом деле, девшкой пятьдесят килограммов весила при росте метр шестьдесят, а сейчас за восемьдесят весы показывают. Говорят, онкологические худеют, а ее как на дрожжах несет.

Полнота ее была не сдобной, рыхлой, а упругой и тугой. Однажды в санатории массаж назначили. Так массажистка отказалась без дополнительной платы

работать: вас, говорит, что дубовый стол массировать, пальцы сломаешь. Полине и самой казалось: у нее под кожей не сало, а как в хорошей грудинке – прослойки аппетитного мяса. На лице ни морщинки, но второй подбородок уже заметен. Щечки – яблочки, губки как розочка на торте, а глаза – голубые, точно мокрые недозрелые сливы, которые от зелени только-только в синеву переходят. Из таких соус ткемали хорошо делать.

И все-таки перед смертью похудеть надо. Пока есть время, привести себя в порядок. Чтобы Вася на похоронах (ведь много важных людей будет) не конфузился, оттого что под ней доски затрещат.

Полина повернула голову и посмотрела на спящего мужа. Сердце захлестнула волна нежности и любви. Голубчик, солнышко мое ясное, голубь, сокол, зайчик, пупсик... Вася ответил протяжным, со свистом, храпом.

На кого ж она оставит своего лапочку, котика? Кто его, безутешного, приголубит? Кто тоску разгонит? Некому! Впервые Полина пожалела о шаге, совершенном много лет назад. Зачем она операцию делала, трубы перевязывала? Ведь предупреждали – пожалеете, все жалеют рано или поздно. Нет теперь детей! Никого после нее не останется. А как было бы хорошо – мальчик или девочка, ее кровиночка и память, Васеньке утешение.

Молодая была, глупая, и никто за руку не удержал, никто по голове не треснул – одумайся! У нее девятнадцать племянников и племянниц, хотя ни братья, ни сестры на родительский подвиг не отважились – больше двух детей никто не имеет. Почему Поля решила, что обязательно станет как мама? Наверное, потому, что лучше мамы, невообразимо доброй и прекрасной, никого не встречала.

Про операцию Поля только Маринке, младшей из средней группы, сказала. А та Клавке, третьей из старших, донесла. Клавка маме пожаловалась, что Поля операцию против детей сделала, будто балерина или артистка погорелого театра. Мама не упрекнула, не отругала, только сказала:

— Тебе, Поля, своего ума для жизни не хватает. Ты у мужа занимай.

А что муж? Вася ей поддался, потому что любил безумно. Поля вспомнила, как он от долгого воздержания чуть умом не тронулся, по комнате в общежитии бегал и кричал:

— Ну, пусть меня кастрируют, если тебе операцию не хотят делать!

Хорошо, не потребовалось ему под нож хирурга ложиться. Но по-другому посмотреть, когда она «там» будет, Вася снова может жениться и детей завести? Эта мысль Полине решительно не понравилась, она даже заерзала на кровати. Представила, как чужая женщина станет готовить в ее кастрюлях, сидеть на ее диванах и пить чай из сервиза, подаренного им на юбилей свадьбы. Вспышка ревности подбросила Полю. Она встала и пошла на кухню.

Хотела поплакать, но запас слез кончился. Пришлось думать о будущем, не прибегая к помощи чужого ума. Ведь дала слово Васе не упоминать про болезни.

До утра не сомкнула глаз. Приготовила мужу на завтрак блинчики с творогом в яблочной подливке. Вася встал бодрый, свежий и веселый. Это он укрепляет ее в хорошем настроении и силе духа, решила Полина. Она тоже молодцом держалась, будто и не ждала ее скорая кончина. Поделилась с мужем выработанным планом из трех пунктов.

– Первое, мне с работы уволиться, мы уже с тобой вчера говорили.

– Голосую «за», – благодушно отозвался Вася, поднял руку с ножом вверх, а другой положил себе очередной блинчик.

– Второе. Похудеть мне надо.

– Воздерживаюсь! – заявил играющий в собрание муж набитым ртом.

– И еще я хочу собачку завести. Чтобы память обо мне через эту собачку с тобой осталась.

Вася не понял логику жены, но, верный установке во всем Полю улаживать, согласился и на собачку. Они обсудили породу. Васе маленькие комнатные не нравились. Если уж брать пса, то большого, служебного и сторожевого.

Готовиться к смерти нужно активно действуя, а не сложив лапки. Это Поля поняла на своем примере. Она подала заявление об уходе по собственному желанию и обдумывала меню для отвальной.

Вася позвонил Зойке и скорбным голосом предложил пока не встречаться, Поля совсем занедужила. Зойка согласилась, Вася положил трубку и мысленно перекрестился. Он купил жене колечко и сережки, а также приобрел книжку с большими фото собак. Остановились на породе ризеншнауцер. Васе понравилось, что ризены свирепы с чужими и ласковы с хозяевами, охранную службу несут очень бдительно. Полю, как женщину чистоплотную, покорило замечание о том, что у ризеншнауцеров нет псиного запаха.

Если бы не смертельный диагноз, Поля была бы полностью счастлива на новом витке их с Васей отношений.

**Глава третья,
в которой Ирина тормозит школьное
обучение сына и с научной добросовестностью
изучает загадки любви**

ИГРА ПРИРОДЫ

Ирина вела одиннадцатилетнего сына Леву в школу на экзамен за девятый класс. Левочка был вундеркиндом. К сожалению, хотя и не удивительно. Вундеркиндами были Ирины папа, бабушка и прабабушка, а по преданиям – предки из предыдущих поколений. И саму Ирину сия участь не миновала. Муж Марк в детстве выдающихся способностей не проявлял, но гены злостной вундеркиндности переползли-таки к их сыну Леве.

Ничего хорошего жизнь чудо-детям не обещала. Они раньше других прибежали на финиш образовательного соревнования, но далее не обязательно становились гениями или делали выдающиеся открытия. Выигрыш во времени не гарантировал звания чемпиона, но определенно отбирал, коверкал важную часть человеческой жизни – детство.

Ирина с грустью наблюдала, как Левочка повторяет ее путь. Друзей не завел, поскольку со сверстниками скучал, а старшим обидны его преимущества. Лева уже три года носил очки, сутулился, не любил спорт, под угрозой наказания выходил на прогулки и читал с фонариком под одеялом. Он был отравлен недетским интеллектуальным удовольствием постижения новых знаний, а оно сродни наркотическому.

В четыре года Лева поступил в первый класс. Конечно, речи не шло о том, чтобы ему ходить в школу. Маленького, худенького, склонного к простудам Левочку затравили бы одноклассники. Но семейный

опыт подсказывал: удобнее раньше записаться в школу и шагать через класс, чем доказывать, что ребенок может сразу сдать программу четырех лет обучения.

На «вступительном экзамене» директор предложила Лева задачу:

— Представь, что на весах стоит петух, и весы показывают три килограмма. Если петух поднимет одну ногу, что покажут весы?

Лева на секунду задумался и ответил:

— Петух упадет.

Директор рассмеялась, переглянулась с учительницами и осуждающе посмотрела на Ирину: что вы, мамаша, выдумываете, не мучайте ребенка, рано ему в школу.

— Масса, естественно, не изменится, — продолжал Лева, — но, мне кажется, переместится центр тяжести. Поэтому петух упадет.

Лева тогда картавил. Пальчики у него были слабые, ручку или карандаш он плохо держал, но на компьютерной клавиатуре печатал почти без ошибок.

За семь лет стараниями Ирины Лева прошел девять классов. Дай ему волю — уже бы закончил школу. Но Ира, как могла, тормозила его формальное образование. Надеялась, что сын окрепнет и придет в детский коллектив хотя бы в последнем классе. Она знала, каково оказаться в университете в двенадцать лет.

Однокурсники звали ее Дюймовочкой. Поступила она хрупкой девчонкой с хвостиками, перетянутыми резинками над ушами, а заканчивала семнадцатилетней девушкой с развитыми формами. Про Ирину говорили, что она наглядно демонстрирует половое созревание и формирование вторичных половых признаков — процесс, достойный изучения на их

биологическом факультете. Если бы не Марк, который был на три года старше и сбегал со школьных уроков, чтобы встретить ее после лекций в университете, студенчество Ирины превратилось бы в кошмар лилипута в стане Гулливеров. И хотя к пятому курсу ее «половозрелость» стерла разницу во внешнем виде, на Ирину стали заглядываться однокашники и появилось подобие приятельских отношений, горячее клеймо Дюймовочки-мутантки долго жгло ей лоб.

Дипломная работа Ирины легла в основу кандидатской диссертации, и аспирантуру вурдеркиндша закончила за год. Они поженились с Марком, когда ей исполнилось восемнадцать. Она была кандидатом наук, а он учился на третьем курсе физического факультета. Через четыре года родился Лева. Ирина стала не только самым молодым доктором наук, но и единственной, кто защищал докторскую, будучи кормящей матерью.

Недополученные в детстве и юности ощущения могут в зрелом возрасте обернуться мучительными проблемами. Это Ирина знала на собственном опыте. Поэтому, занимаясь с сыном, она углубляла и расширяла школьную программу дополнительными материалами, но всячески тормозила продвижение вперед. Ее педагогические обязанности были совершенно не обременительны и много времени не занимали. Два часа утром (на работу она приходила к двенадцати) проверяла домашние задания, отвечала на вопросы, задавала вопросы, писали диктанты по русскому и английскому, и Лева получал очередную порцию заданий. Новый материал Ирина не объясняла, потому что Лева любил все узнавать самостоятельно. Появлялись вопросы – спрашивал.

По режиму после маминого ухода на работу Лева должен был отправляться во двор на прогулку и два часа на оговоренной территории, с которой ни шагу, дышать свежим воздухом. Потом обед (разогреть в микроволновой печи) и домашние задания, личное время (можно заходить в Интернет), и вечером поход с мамой в театр или на концерты симфонической музыки.

На практике почти все время и оказывалось у Лева личным. Он благоразумно не подходил к телефону, когда был обязан «дышать свежим воздухом», уроки делал не более часа и целыми днями просиживал у электронного наказания — компьютера. Плохая погода или необходимость задержаться на работе отменяли посещения театров и концертов. В выходные (по плану жизни — музеи и выставки) маме хотелось подольше поваляться в кровати, да и домашние заботы накапливались.

У Ирины не хватило воли записать сына в спортивную секцию — она сама ненавидела физические упражнения. А музыкальных или художественных способностей Лева был лишен начисто.

Они уже третий год жили неполной семьей — мать и сын. Бабушка и дедушка, родители Ирины, и муж Марк обосновались в городе Денвер, штат Колорадо, США. Все трое (два доктора и один кандидат наук) получили хорошие должности в местном университете. Ирина с Левой навещали их каждое лето.

Отсрочка с ее выездом объяснялась объективными причинами — группа исследователей, возглавляемая Ирой, получила большой грант, работу необходимо было завершить. Потом результаты обработать, потом предложили выдвинуться на премию, потом возникла еще одна идея, которую жалко бросить, она сулила нобелевские перспективы.

Родные прекрасно разбирались в сути Ириной работы и терпеливо ждали воссоединения семейства. А она не хотела ехать! Не хотела покидать Москву, свой институт, уютную большую квартиру, расставаться с деревьями, которые папа посадил во дворе на субботнике новоселов. Деревья росли вместе с ней, и эмигрировать — как выкорчевать их.

Лева слегка нервничал перед экзаменами, но сдал их легко. По всем предметам, кроме русского языка, получил «отлично». Грамотность у Левы слегка хромала, а почерк был по-детски корявый и по-взрослому неразборчивый. Если бы Ирина не знала, что эти каракули принадлежат ее одаренному сыну, она бы решила, что писал человек с нейромоторными нарушениями. Учителя относились к Леве-заочнику с благоговейной добротой (в этом году он победил на городских олимпиадах школьников по трем предметам), и более всего их интересовали ошибки и неточности, которые мальчик обнаружил в учебниках и методической литературе.

Ирина помнила первую несуразность из учебника природоведения, с которой они столкнулись во втором или в третьем классе. В главе «Лесная зона» было написано: «В лесной зоне живут и врачи, и инженеры, и пекари, и слесари, и космонавты». Ребенок несколько дней ходил задумчивый, листал атласы, крутил глобус — искал удивительную страну космонавтов и пекарей.

— Давай поедем в зоопарк? — предложила Ирина, когда они вышли из школы.

Лева покачал головой:

— Там все звери какие-то унылые. Мне больше нравится смотреть фильмы «Нэшнл джиогрэфик» о животных.

Ирина была с ним полностью согласна. По родительской обязанности она часто вела Леву туда, куда по доброй воле сама бы не отправилась. Например, некоторые детские спектакли оказывали гипнотическое действие — усыпляли.

— У меня, между прочим, — она скорчила веселую гримаску, — тоже каникулы начинаются. О, радость! Три месяца без уроков с мальчиком, который не в состоянии запомнить, что ходить нужно в носках одинакового цвета, вытирать нос платком, а не рукавом, и не выбрасывать столовые приборы вместе с остатками еды в мусорное ведро.

Это также был один из аспектов воспитания — не позволить Леве увериться в своей исключительности и избранности. «Он не должен сублимировать физические недостатки и коммуникативные проблемы в гипертрофированную интеллектуальность», — говорила она себе. Будет крайне печально, если сын вырастет заносчивым всезнайкой или рефлексирующим снобом.

— Предлагаю на выбор, — продолжала Ирина, — цирк, детское кафе, парк с аттракционами, катание на речном трамвайчике или полет на воздушном шаре, если мы, конечно, найдем дирижабль.

— Мама, ты обещала новый диск, — напомнил Лева.

Ирина вздохнула. Дома три книжные полки были завалены компакт-дисками с компьютерными играми. Они купили жидкокристаллический монитор, не излучающий вредных волн. Но долгое напряжение все равно плохо влияло на глаза ребенка. Лева не увлекался шахматами, потому что современные компьютерные игры сложнее, вариативнее и, главное, увлекательнее шахмат. Игры на английском активно стимулировали изучение языка, и раз-

говорной речью Лева уже владел лучше мамы. Мальчик становился живой приставкой к электронному наказанию.

— Джентльмены от своих слов не отказываются! — гордо сказала Ирина.

— Ты не джентльмен, а леди.

— О, сеньор, вы сама галантность! Но если леди не отказывается от своих слов, это уже не леди.

Единственным человеком, с кем Лева легко общался и дурачился, была мама. Единственным человеком, с кем Ирина чувствовала себя беззаботно счастливой, был сын.

Они прокатились на теплоходе по Москве-реке, скатились с американских горок в парке Горького (Ирина — в полубессознательном состоянии), пообедали в ресторане, заехали в книжный магазин за компакт-дисками, съели по мороженому на Тверском бульваре и купили Лева бейсболку с иероглифом. Предлагая друг другу варианты значения этого иероглифа, они покатывались со смеху.

Лева прыгал на одной ноге, когда они вошли в свой двор, и требовал, чтобы мама, ее очередь, переводила загадочный знак.

— Тут говорится, — Ирина легонько щелкнула по козырьку бейсболки, — за мной — пустота.

Собаку они увидели одновременно. Огромный белый дог лошадиной расцветки «в яблоках». Он и скакал как конь: неся с противоположной стороны двора, хрипло лаял, перепрыгивая через лавочки на детской площадке.

Лева в испуге тихо заверещал, присел на корточки и закрыл голову руками. Ирина всегда боялась собак. Если бы не Лева, она бы припустила наутек или стала в истерике забираться на дерево.

Она сделала два шага вперед, подняла руку с черной лакированной сумочкой и принялась кричать высоким, не своим, голосом:

— Как ты смеешь нас кусать! Немедленно прекрати! Это что еще за безобразие! Кто тебе позволил так себя вести!

И собака затормозила, подняв облачко пыли в метре от них! Она рычала, показывала зубы, но не бросалась. Сердце у Ирины билось с такой силой и частотой, что казалось, сейчас вырвется из груди и покатится под ноги страшной псине.

Ира продолжала громко стыдить дога, когда подбежала его хозяйка. Очень маленькая женщина, ее голова чуть выше морды собаки.

— Почему вы не держите ребенка? — вдруг напустилась она на Ирину. — Обнаглели!

— Я... ребенка не держу? — изумилась Ирина.

— Конечно! Завела — так смотри за ним!

— За ним? — опять глупо переспросила Ира.

Коротышка дернула собаку за ошейник и, продолжая ругаться, засемила с ней прочь.

Ирина хорошо понимала психологию хозяйки дога. Говоря народным языком, лучший способ обороны — нападение, сам дурак, бей первым, пока не разобрались. И почему такая крохотная женщина завела громадного пса, тоже знала. Но это не спасло Ирину от унижения, которое она всегда испытывала, пасуя перед наглостью и хамством.

— Мама! Ты такая смелая! — всхлипнул Лева, вставая.

— Считаешь? — машинально пробормотала Ирина.

— Прости меня, — сын поднял на нее глаза, полные слез, — прости, что не сумел тебя защитить.

— Не выдумывай! — Она судорожно прижала Леву к себе.

Вторая волна страха смысла терзания на тему «недотепа я несчастная, не умею достойно хаму ответить». Надо найти в этой ситуации что-то юмористическое, отвлечь Лева от мыслей о трусости.

– Как тебе понравилось, что я назвала собаку грязным баскервилем? – спросила Ирина.

– Класс, – подхватил Лева, – а еще ты обозвала его порочным млекопитающим. Кричала, что он позорит всех собак Павлова.

Прощаясь с сыном перед сном, Ирина присела к нему на кровать:

– Хочу обсудить с тобой гениальную идею. Только что пришло в голову. Давай заведем собаку?

Про себя она добавила: «С ней уж ты будешь гулять обязательно, у тебя появится привязанность, а я не буду мучаться страхами, оставляя тебя одного в квартире».

– Когда родители не хотят подарить брата или сестру, – отозвался не по годам мудрый Лева, – они предлагают собачку.

– Рассматриваем вопросы по мере поступления, – выкрутилась Ира. – Итак, что насчет собачки?

– Хорошо, – протяжно зевнул Лева, – только породу я выберу сам.

Ирина полагала, что сын остановится на каком-нибудь симпатичном маленьком мохнатом дружке. Но он выбрал ризеншнауцера – мягко говоря, далеко не привлекательного пса. На фото он был похож на обитателя преисподней – черта на четвереньках. Следуя логике, по которой низкорослая и хрупкая владелица дога завела себе собаку громадных размеров, с Левой тоже не все обстояло благополучно. Вряд ли животные способны избавить людей от комплексов, а появление в доме большой свирепой пси-

ны Ирину не радовало. Но отступать поздно – Лева загорелся идеей.

ТАЙНАЯ СТРАСТЬ ИРИНЫ

Среди причин нежелания Ирины уезжать из Москвы была одна, о которой она не призналась бы даже на исповеди.

Ирина влюбилась. Конечно, Марка она тоже любила. Но по-другому. Ее родители и родители мужа дружили и всячески приветствовали их детскую дружбу и затем брачный союз. Марк – умный, воспитанный, преданный семье, он, как никто, знал Ирину, со всеми ее слабостями и недостатками. Марк – идеальный муж и друг. Он терпелив, выдержан, мудр и надежен. Марк – почти совершенство. Марк очень ей подходит. Она подходит Марку. У них прекрасная семья.

Но она влюбилась! В человека, который ей совершенно не подходит. Более того, олицетворяет полную противоположность. Начиная с фамилии. Его зовут Никита Юсупов. Естественно, откликается на князя Юсупова. Иринина девичья фамилия Братиславская, по мужу – Выхина. Сплошные станции метро.

Никита красив, как Адонис, Ирина носит очки со стеклами в палец толщиной. Он строен и атлетичен, у нее нейроэндокринное ожирение после беременности и родов. Талия заметна только потому, что бедра в три обхвата. Юсупов – балагур и весельчак, Ирина стесняется даже давно знакомых людей. Он любит походы, байдарки-палатки и поет под гитару. Она не умеет плавать, никогда в жизни не была в пионерлагере и считает романсы под гитару пошлым жанром.

Он подчиненный, она — руководитель группы. Он заканчивает кандидатскую диссертацию, она давно защитила докторскую. Она зовет Никиту по имени, он ее по имени-отчеству. Он женился на первом курсе университета, разошелся на третьем, а у нее крепкая хорошая семья.

Только однажды их реакции совпали: оба поразились, обнаружив, что ровесники. Она считала, ему нет тридцати шести, он полагал, будто ей — за сорок.

Поскольку мысль о возможности в кого-то влюбиться, тем более в подчиненного, хуже того — в жуира с гитарой в руках, граничила с абсурдом, Ирина долгое время не отдавала себе отчет, что ее радостный подъем духа, взлеты научного вдохновения и служебное рвение связаны с Никитой. Понимание пришло, когда Ирина однажды стала свидетельницей фривольного диалога Никиты и юной лаборантки Оленьки.

Никита соблазнительно улыбался, покачивался на стуле и поигрывал карандашом.

— Оленька! — ворковал он. — Вы разбили мне сердце и даже не удосуживаетесь взглянуть на осколки.

Лаборантка кокетливо усмехнулась:

— Не верю! Вы известный сердцеед.

— Милая, вы ждете принца на белом коне? Хотите, я куплю лошадь и буду гарцевать перед вашими окнами?

— Хочу! — задорно ответила Оленька. — Адрес дать?

— Там уже, наверное, рота принцев на табуне скакунов забралами шелкает.

— Вас это пугает? — томно закатывала глаза Оленька.

— Это будит во мне рыцарский азарт.

Ирина слушала их болтовню и стыла от ревности. Ей хотелось немедленно уволить Оленьку и отхлестать по щекам Юсупова. Скучный амурный опыт не мог подсказать Ирине, что любовники, даже потенциальные, не выставляют напоказ свои отношения. Публичные заигрывания — лишь игра во флирт, а не свидетельство о намерениях.

Ирине не хватало воздуха. Она взяла первую попавшуюся папку со стола и выскочила из комнаты. Спустилась на лифте, прошла вестибюль, очутилась на улице. Она сидела на лавочке в институтском скверике и ничего не видела вокруг.

Очнулась, когда подошел коллега:

— Ирина Данииловна, вам плохо?

На улице холод, а она без пальто, в белом халате поверх платья.

«Мне очень плохо! — хотелось ей крикнуть. — Я, кажется, влюбилась. Как гимназистка, как пустоголовая дурочка!»

— Со мной все в порядке, благодарю вас, — поднялась она.

Ирина резко установила дистанцию — ваши, Никита, анекдоты забавны, но последняя серия опытов выполнена небрежно; будьте любезны; не считите за труд; найдите, пожалуйста, возможным; избавьте меня от необходимости дважды повторять одно и то же...

За ее спиной шушукались, обсуждая причины неожиданной опалы князя Юсупова. У Никиты на лице появилось мальчишески обиженное выражение. Сердце у Ирины разрывалось от нежности и боли, в животе поселилось томление, а язык произносил казенные вежливые фразы.

Она владела аппаратом научно-исследовательской методологии и решила применить его к пробле-

ме собственной любви. Изучила труды психологов и психоаналитиков, посвященные феномену высокого чувства. Узнала, что объект вожделения представляет собой (или ему приписываются) подсознательные идеалы и мечты. Спору нет, подсознание способно выбрасывать фортели. Но любые сюрпризы можно объяснить — в этом суть научной работы. Скажем, не подлежит сомнению, что Ирина хотела бы быть красивой и стройной. Уметь легко и непринужденно общаться с людьми, заводить друзей и расставаться с ними без болезненных угрызений совести. Но играть на гитаре! Ползать по горам и сплавляться на байдарках! Пускаться в сомнительные авантюры! Никогда! Даже ее подсознание, сформированное в условиях нетипичного детства, вряд ли способно возжелать подобных приключений.

Немецкий ученый Макс Нордау писал, что чем низменнее и проще идеал, тем легче человек находит его воплощение. Поэтому-то пошлые ординарные люди могут легко влюбляться и заменять один предмет любви другим, меж тем как утонченным и сложным натурам трудно встретить свой идеал или заменить его другим в случае утраты.

Что получается? Ирина (отбросим ложную скромность) считала себя «сложной, утонченной натурой», но идеал выбрала «низменнее и проще», следовательно, она — «пошлый, ординарный» человек?

Биохимическая теория любви вызвала у Ирины сомнения как у специалиста. Повышенное содержание в крови тех или иных гормонов действительно может вызывать изменение настроения — чувство безотчетного страха, томление, подавленность или, напротив, эйфорию, эмоциональное возбуждение и жажду действия. Но органы внутренней секреции,

продуцирующие гормоны, не могут работать в режиме постоянного аврала. В противном случае нужно говорить об эндокринной патологии, а всех влюбленных, таким образом, считать больными. Кроме того, и число испытуемых (влюбленные), и размеры контрольных групп (невлюбленные) в тех исследованиях, с которыми познакомилась Ирина, были статистически малы для теоретически достоверной научной теории. А у нее самой (тайно сделала анализы) гормональный фон не выходил за пределы нормы.

Она обратилась к истории вопроса, к его трактовке философами и социологами. Выяснила, что при родовом строе, когда женщины и мужчины были равны и свободны, любовь представляла собой голый эрос. Затем, по мере закрепощения женщины, как противовеса ее семейному рабству, и возникает любовь. Подчинив женщину, мужчина сам попал к ней в плен.

Характерно, что греческие и римские лирики, как правило, воспевали любовь к гетерам, а не к своим женам-матронам. Возвышенная рыцарская любовь в Провансе тоже никогда не была супружеской. Дама сердца для трубадура – создание неземное, воплощение божества. А сам он твердо ходил по земле и пользовался правом первой ночи. Человечество, по мнению Ирины, должно простить рыцарям их средневековое ханжество, так как именно трубадуры дали мощный толчок в обожествлении женщин.

Узнай Никита Юсупов, на исследования какого рода подвигнул Ирину, наверное, свалился бы со стула. Но Ирина внимательно следила за своей речью. Когда заходил разговор по теме, она могла блеснуть привычной для всех эрудицией, но не более. Так, од-

нажды рассказала миф, упоминавшийся Платоном. В древности существовали двуполые существа – андрогины. Они обладали страшной силой, и Зевс, убоявшись того, что андрогины посягнут на власть богов, рассек их пополам. Каждая половина с вожделением устремилась на поиски другой своей половины. Встретившись, они обнимались, сплетались, ничего не хотели делать порознь. С тех пор людям свойственно любовное влечение – как стремление исцелить человеческую природу. Отсюда и выражение – моя половина.

Во взгляде, брошенном на Никиту, Ирина надеялась, нельзя было прочесть ее отчаяния: ты – половинка нежного персика, а я – долька кислого лимона.

Платоническая любовь должна была стать уделом Ирины в силу ряда обстоятельств: а) недостатки ее внешнего вида; б) верность мужу; в) панический страх перед любыми жизненными переменами. Но когда Ирина занялась историей вопроса, оказалось, что он совершенно не изучен. Более того, термины перепутаны и подменены. Судя по первоисточникам, платоническая (духовная, а не телесная, как мы ее понимаем) любовь – это вовсе не то, что имел в виду древний философ.

Платоновская теория любви тесно связана с его учением о строении мира в целом. Понять его можно, только усвоив гносеологию и эстетику Платона. Последователи выхватывали из теории куски, не потрудившись пропустить их через призму синкретического сознания. Если бы они удосужились сделать это хотя бы тщательнее, то картина бы выглядела следующим образом.

Выделяем три ступени человеческой любви. На первой один человек должен полюбить другого чело-

века — прекрасного душой и телом. Вначале требуется обращать внимание именно на тело. Более того, переходить от одного тела к другому. Цитата: «Он станет любить прекрасные тела, а к тому одному охладет, ибо сочтет такую чрезмерную любовь ничтожной и мелкой».

Прикладываем теорию к конкретной ситуации. Ирина прекрасное тело Никиты уже полюбила. Он ею вряд ли очаруется. Далее. Она должна искать другие тела? Час от часу не легче. Это для Никиты процесс «от тела к телу» привычен, а для Ирины абсолютно чудовищен.

Вторая ступень. Разделение души и тела. «Человек начинает ценить красоту души выше, чем красоту тела», — говорит Платон. И призывает «считать красоту тела чем-то ничтожным». Итак, дух отделяется от эроса и противопоставляется ему. Заманчиво, если Никита оценит ее прекрасную душу, а на тело закроет глаза. Но Платон не упоминает об обратном ходе — от души к телу. Значит, это дорога с односторонним движением?

На третьей, высшей, ступени любви приходит забвение и телесной, и душевной любви в конкретно-прикладном варианте — «от одного прекрасного тела к двум, от двух — ко всем». Происходит прыжок от человеческого мира к надчеловеческому, к некоей идее, «не обремененной человеческой плотью, человеческими красками и всяким другим бранным вздором». Словом, любовь из влечения превращается в инструмент созерцания и познания. Высшая точка — постижение красоты знаний. Но Ирина с детства была очарована «красотой знаний». Только и занималась тем, что их накапливала. А предыдущие ступени? Экстерном прошла? Нет, как говорится, Платон мне друг, но истина уплыла.

Несколько месяцев она вела двойную научную жизнь: на работе в качестве микробиолога, дома и в библиотеке как дилетант от биосоциологии.

И ни в одной области знаний Ирина не нашла ответа на вопрос, как избавиться от нечаянной любви. Она стала искать недостатки у Никиты и старательно их преувеличивать. Но мешал тонюсенький голосок с аргументами «против».

У него ушные раковины неправильной формы (трогательно светятся розовым, когда он сидит у окна), нос великоват и подбородок копытом (а какие еще должны быть на мужественном лице?), испортил партию дорогих препаратов, растяпа (Оленька загубила в три раза больше), кладет ноги на стол (такие длинные и сильные), явился на заседание ученого совета в джинсах (его слушали раскрыв рты), он курит, выпивает (в пределах нормы), осыпает женщин комплиментами (за это – расстрелять), он не подает руки замдиректора института (в противном случае давно бы защитился), он ругает правительства всех стран (интеллигенция всегда в оппозиции), он читает детективы и фантастику, обожает боевики (не дамскими же романами ему увлекаться). Тупик!

На Восьмое марта Никита всем женщинам в лаборатории подарил по красивой розе на длинной ножке. Ирина свою притащила домой, высушила, покрыла лаком для волос и поставила в вазу с сухоцветами. Рядом с колосками, полевыми цветами, былинками травы роза смотрелась чужестранкой. Таковой же была и любовь Ирины – пришелицей из другого мира.

**Глава четвертая,
в которой героини знакомятся, неожиданно
делятся своими проблемами и начинают
от них избавляться**

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

Юристы, оформлявшие Ксюшино наследство, пришли в ужас. Так и сказали ей:

— Ксения Георгиевна (раньше была просто Ксюша)! Вас хотят бессовестно ограбить! Какие пятьсот тысяч! Фирма владеет несколькими предприятиями лесозаготовки и лесопереработки. Миллионные обороты!

Они сыпали неизвестными Ксюше словами: акции-облигации, активы-инвестиции, доленое участие... Ксюша запомнила только, что «владеет» большим заводом по производству туалетной бумаги. Вот это не удивительно — где Костик, там всегда дерьмо.

— Короче, — попросила она. — Чего вы от меня хотите?

— Сумма, за которую вы согласились продать активы, смехотворна. Это как если бы вам достался в наследство автомобиль последней модели, а вы за него получаете копеечный брелок для ключей.

Юристы твердили, что устная договоренность с Наветовым законной силы не имеет и, пока не поздно, надо увеличить сумму продажи. Радели они не только за Ксюшу. Их собственный гонорар составлял два процента от суммы сделки.

Ксюша всю жизнь прожила пусть не в нищете, но копейки считала. И свалившееся наследство воспринимала не как выигрыш в лотерею, нечаянную радость, а вроде подвоха, за который расплачиваться придется. Точно дразнят ее, а что потребуют — прямо не говорят.

Ей, с одной стороны, терять нечего, но с другой — страшно расслабиться. На кой ляд ей тонны туалетной бумаги? И Костика убили не за его очень красивые глазки. Значит, есть пограничная сумма: меньше возьмет — не тронут, больше — пришьют. Для ровного счета Ксюша остановилась на миллионе. Сколько в нем нулей, не помнила. Тысяча долларов в ее представлении — очень много, а миллион — какая-то подлянка.

Наветов, скрипя зубами, то есть вежливо улыбаясь, на новую цену согласился. Ксюша получила миллион долларов чистыми — после вычета налога на наследство и гонорара юристам. Они отработали честно — сумели обнаружить среди недвижимости покойного Костика загородный дом, который Наветов случайно прошляпил. Дом отошел Ксюше.

Всех щенков, кроме двух девочек, она продала. Но и за этими должны сегодня прийти. Привыкнуть к расставанию с малышами невозможно. Уж сколько их прошло через Ксюшины руки, а каждый раз сердце словно рвется. Есть способ успокоиться — выпить вина. Но она тянула до прихода, вернее, ухода покупателей.

Полина и Ира не опоздали. Как и договаривались, пришли в семь вечера. Ксюша закрыла взрослых собак в спальне, женщин посадила на диван, запустила щенков — выбирайте. Выбрали собачонки — одна подошла к Полине, другая стала ластиться к Ирине. Охи-вздохи, восклицания: какие хорошенькие, какие славные, уй ты, моя маленькая, ах ты, моя хорошая...

— У вас были раньше собаки? — спросила Ксюша.

— Нет. — Обе покачали головами и продолжили сюсюканье.

В других бы обстоятельствах Ксюша им отказала — испортят собак. Но теперь ее поджимало время, надо было вступать во владение наследством.

— Вам бы лучше комнатных собачек, — засомневалась Ксюша, — болонок, пекинесов, кокеров, на худой конец. А чтобы воспитать ризена, требуется жесткая воля. Это серьезные служебные собаки. Они концлагеря у фашистов охраняли.

— Видите ли, — Ирина сняла очки, стекла которых щенок уже успел облизать, — я вообще считаю, что нужно подбирать бездомных, брошенных псов. Но сын настаивает именно на ризеншнауцере.

— Мне и нужен охранник, — обрадованно подтвердила Поля, — за мужем присматривать. А как ее кормить, чем?

— Я потом расскажу, распечатки дам. Но вы все-таки хорошенько подумайте. Пока маленькие, кажется — игрушка. Все щенки, породистые и дворняги, очень симпатичные и трогательные. Не успеете оглянуться, как вырастет, сядет вам на шею, ляжет на вашу кровать — это в полном смысле слова, будет командовать и строить всех. Ризен обязательно захочет стать главным в стае, ну в вашей семье. Передавить его можно только силой характера, постоянно доказывая, что его место не первое.

Ксюша говорила, а сама все больше укреплялась в решении: не отдам этим теткам щенков.

Черт с ним, где три собаки, там и пять, если нормальных хозяев не сыщется. Тем она и завершила свое напутствие:

— Извините, не обижайтесь, но щенков я вам не продам.

— Как же так? — в унисон воскликнули Ира и Полина, не прошедшие конкурсного отбора.

Они прижали щенков к груди — ясно, понянчились и уже душой прикипели.

— Поймите, — уговаривала Ксюша, — я вам добра желаю! Вы собак избалуете, они будут у вас как сыр в

масле кататься, а вы проститесь со спокойной жизнью.

– Но, Ксения! – взмолилась Полина. – Если бы вы знали, почему мне нужна собака!

– Аналогично, – поддакнула Ира. – У меня сын вундеркинд, он на улице не гуляет, а целыми днями за компьютером сидит.

– Вопрос продолжения жизни и памяти, – непонятно заявила Поля.

– Будущего моего ребенка, – сказала Ира.

– Не знаю, – с сомнением вздохнула Ксюша. – Если честно, я собак больше, чем людей, люблю. Собака может нагадить в неположенном месте, но никогда тебя не предаст.

Ирина и Поля с энтузиазмом закивали в ответ.

– Не врубаетесь! – остудила их пыл Ксюша. – У собаки должна быть ее собачья счастливая жизнь.

– Конечно, – подхватила Поля, – чтобы всегда накормлена и чистая.

– Эмоционально удовлетворена, – как девочка-отличница, ответила Ирина.

– Мура! – отрезала Ксюша. – Собака служит человеку сто пятьдесят тысяч лет! Служит! Это единственное животное, для которого смысл жизни в служении людям.

– А лошади? – спросила Ира.

– Корова молоко дает, – заметила Поля.

– Лошади, коровы, – хмыкнула Ксюша, – еще скажите – бараны и свиньи. Почему же вы поросенка не хотите завести?

Ирина смутно представляла, как ей будет служить симпатичный щенок, разительно отличавшийся от устрашающей взрослой особи, но поспешила Ксюшу заверить:

— Мы с сыном будем неукоснительно следовать вашим инструкциям.

— Я без этой куколки, мусички чернявенькой, — Поля прижала к себе щенка, — отсюда не уйду. Хотите, в два раза больше заплачу?

— Не умею торговаться, — поддержала Ирина, — но на удвоенную цену согласна.

— Разве в деньгах дело? — в сердцах воскликнула Ксюша. — У меня сейчас этого добра — хоть задницей ешь!

Она видела, что женщины полюбили маленьких ризенов той странной любовью человека к собаке, без которой не было бы и ответной. Если теперь они уйдут несолоно хлебавши, купят других щенков, в их душах навсегда поселится убеждение, что ее, Ксюшины, собачата и были самыми родными, как свои дети.

— Ладно, — вздохнула новоявленная миллионерша. — Берите. Я расскажу, как за ними ухаживать и воспитывать, постарайтесь запомнить. Хотя, конечно, без опыта, первый раз... о-о-о...

— Мы уже купили кое-какую литературу, — сообщила Ира, — но, с вашего позволения, я законспектирую, — и достала блокнот.

— И мне дайте бумагу и ручку, пожалуйста, — трогательно попросила Поля.

Ксюша велела перейти на кухню, там удобнее за столом писать. От долгого говорения у нее пересохло в горле.

— Давайте винца выпьем? — предложила она. — У меня повод. Наследство получила и щенков последних отдаю. Больше своих собак вязать не буду.

Покупательницы охотно согласились.

Они распили одну бутылку сухого под наставления и собачьи истории, которые Ксюша знала в изобилии. Для Ксюши стакан вина — меньше при-

вычной дозы, а Ирина и Поля основательно захмелели.

Поля расчувствовалась, подумала о том, что не доживет до совершеннолетия собачки, пустила слезу.

— Вот вы наследство получили, — всхлипнула она, — а у меня такое! Скоро помру. Опухоли нашли злокачественные, и, главное, повсюду: в голове, в печенках и в коленках. Муж как узнал, на руках меня носит. Недолго уже осталось, — причитала Поля.

Ксюша и Ирина растерялись. Не знали, что сказать. Да и есть ли слова утешения в таком горе?

— Я, конечно, не специалист, — пробормотала Ира, — не практикующий врач. Но теоретически невозможно, чтобы в мозгу, во внутренних органах и в коленных суставах были опухоли одного типа. Наличием разнородных образований в организме занимается мой однокашник. Поля! — Ирина заговорила увереннее. — Давайте, он вас посмотрит! Он работает в онкологической клинике на Каширке, очень хороший специалист.

— Для экспериментов? — уныло спросила Полина.

— Не отказывайтесь! — настаивала доктор наук. — А если появится шанс? Пусть ничтожный, но шанс?

— Соглашайся! — подхватила Ксюша. — Ничего, что я на «ты»? Хватит нам выкать, давайте проще. Выпьем за это. — Она достала вторую бутылку.

— Я совсем пьяная, — призналась Ирина.

— И меня развезло, — шмыгнула носом Поля.

Ксюша настолько прониклась горем Поли, что решила утешить ее собственными проблемами.

— А я пью, — призналась Ксюша.

— И мы тоже, — удивилась Ира.

— Надрались, — поддакнула Поля.

— Нет, вы не поняли. Я пью одна. Каждый день. Бутылку, а то и две вина. Регулярно. Это наследство

мне — тьфу! На кой черт? Была дочка... теперь нет. Ничего у меня нет, кроме собак. Спиваюсь и наследство грязное тоже пропью. Назло моему мужу, который сдох, сволочь. Давайте его помянем? Я так его любила!

Ксюша поведала историю своей жизни, не скупясь на краски и крепкие выражения. Грех было не выпить за такие страдания и нечаянное наследство.

Малейшее подозрение, что кто-то может узнать ее тайну, приводило Ирину в ужас. А уж самой рассказать — совершенно невыносимо. Но сложились необычайные обстоятельства. Во-первых, она опьянела. Во-вторых, ей было безумно жаль несчастных женщин. В-третьих, она не желала неоправданно выступить благополучной особой, когда на самом деле все складывается мучительно.

— Я мучительно страдаю, — заикаясь, призналась Ира. — Я влюбилась. Чудовищно, невыносимо! В плейбоя!

Собутыльницам ее проблема показалась оскорбительно мелкой на фоне их несчастий.

Ирина всегда отличалась умением четко излагать мысль. Но тут она в объяснениях путалась. То описывала Никиту, то приводила научные выкладки, то восхваляла мужа, то анализировала собственные ощущения. Длинно рассказывала про три этапа любви по Платону и ошибочные гормональные теории. Она испытывала восторг, потому что неожиданно могла выговориться, и облегчение — внутреннее эмоциональное давление понизилось. Ксюша и Поля научную часть ее речей понимали плохо, но не перебивали и терминов не просили объяснить. Видать, у женщины накопело и бежало через край.

— Влипла! — констатировала Ксюша.

— Угораздило бедную, — сокрушилась Поля.